ОГОНЕКЪ

Иллюстрированное Обозрѣніе
общественной и политической жизни, наукъ и изящныхъ искусствъ
ПРИЛОЖЕНІЕ
къ „ИЛЛЮСТРИРОВАННЫМЪ БИРЖЕВЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ".

№ 40 Понедѣльникъ, 14 (27) ноября 1905 г. № 40

Нѣмецкіе писатели о русской свободѣ.

Кружокъ молодыхъ русскихъ писателей и художниковъ обратился къ европейскимъ политическимъ дѣятелямъ и писателямъ съ просьбой отвѣтить на три слѣдующихъ вопроса:

1) Каково ваше личное мнѣніе о русской Государственной Думѣ?

2) Питаете-ли вы довѣріе къ духовнымъ и умственнымъ способностямъ русскаго народа?

3) Какими пожеланіями встрѣтите вы предстоящее вступленіе русскаго народа въ семью цивилизованныхъ націй?

Въ наше распоряженіе доставлены отвѣты отъ германскихъ писателей. Отвѣты эти, касающіеся современнаго политическаго положенія Россіи, пріобрѣтаютъ особенный интересъ въ настоящіе дни, когда русскій народъ и, вмѣстѣ съ нимъ, весь цивилизованный міръ празднуютъ побѣду свободы. Отвѣты на вопросъ о Государственной Думѣ приведены лишь въ общихъ чертахъ, соотвѣтствующихъ нынѣшнему положенію вопроса о русскомъ народномъ представительствѣ.

ЭЙЗЕНАХЪ, въ сентябрѣ.

Нужны-ли особыя увѣренія въ томъ, что вся образованная Германія слѣдитъ съ живѣйшимъ интересомъ и самыми теплыми пожеланіями за тѣми знаменіями, которыя указываютъ на возвышеніе русскаго народа изъ нравственнаго и политическаго несовершеннолѣтія?

Кто познакомился съ этимъ народомъ по описаніямъ великихъ русскихъ писателей, не можетъ отказать ему въ глубочайшей симпатіи, ни уклониться отъ убѣжденія, что въ немъ дремлетъ бездна непочатыхъ силъ, которыя, подъ свѣтомъ европейской образованности и культуры, распустятся съ поразительною пышностью и окажутъ живительное и омолаживающее вліяніе на сосѣднія націи, во многомъ уже перезрѣлыя.

Много-ли пройдетъ времени, пока цѣль эта будетъ достигнута,—никто предсказать не можетъ. Но насколько было бы опасно поторопиться не въ мѣру съ процессомъ зрѣлости, настолько же роковымъ является стараніе правительства затормозить развитіе и справедливыя требованія даже умѣренныхъ людей исполнить въ такой неудовлетворительной степени, какъ это случилось съ программою Государственной Думы. Къ счастью, событія могущественнѣе людей.

Разумѣется, о парламентарномъ представительствѣ народа, какъ въ западныхъ странахъ, еще долго не можетъ быть рѣчи; но на тотъ путь, который туда ведетъ, народъ уже ступилъ и будетъ продолжать его неудержимо.

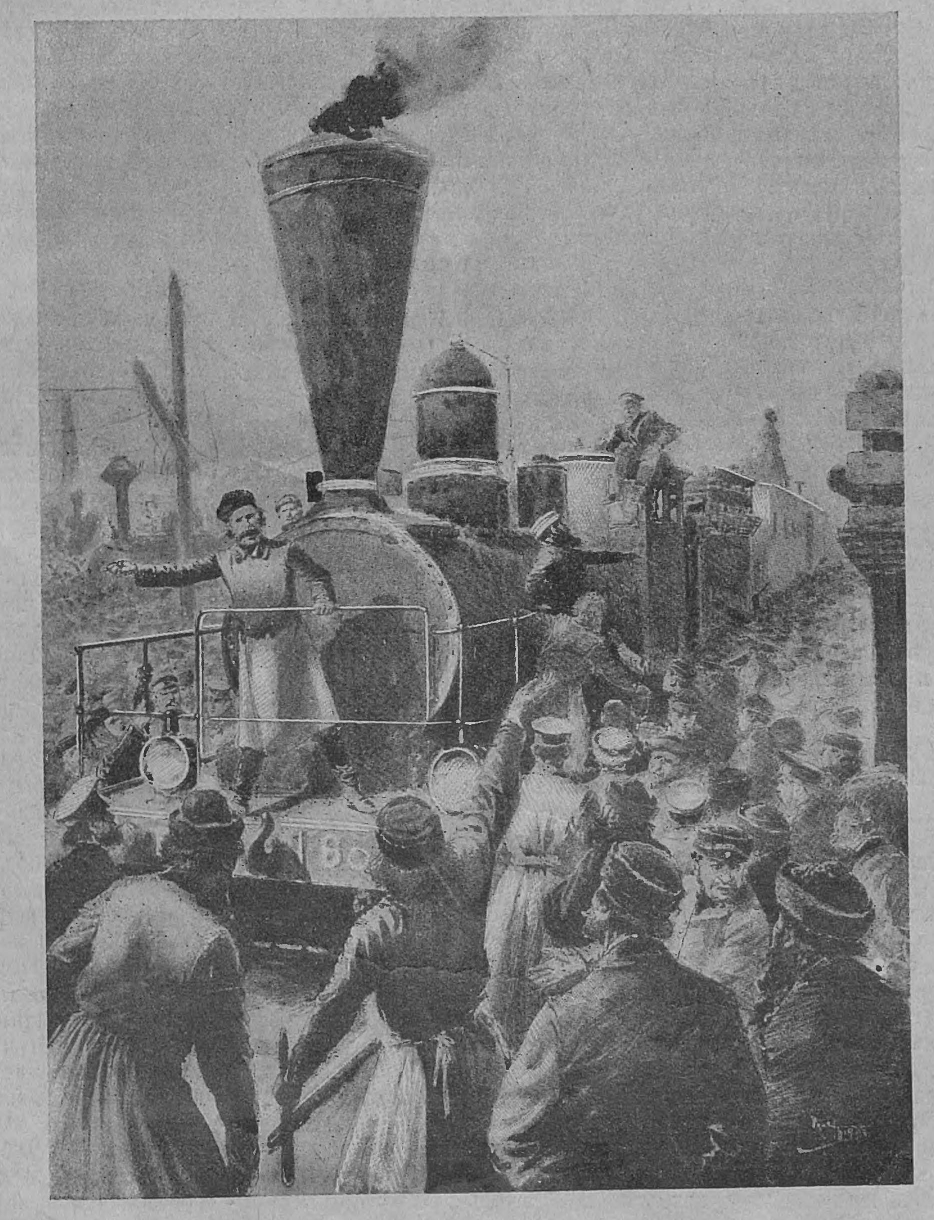
Мнѣ больно подумать, что дорогой другъ мой, Тургеневъ, скончался, не успѣвъ дожить до утренней зари освобожденія своей отчизны отъ оковъ, задержавшихъ ея развитіе въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, и подать ей на путь свой глубоко-вершительный совѣтъ.

Paul Heyse.
(Д-ръ Павелъ Гейзе).

ВѢНА, въ сентябрѣ.

Такой многочисленный народъ, состоящій изъ такого множества слоевъ и соединяющій въ себѣ столько различныхъ расъ, не можетъ имѣть единой, общей души. На мой взглядъ, отличительными чертами русскаго крестьянскаго характера являются добродушіе, грусть, наивность и терпѣніе.

„Вступленіе въ семью европейскихъ культурныхъ народовъ",—говорите вы. Повѣрьте, пока сила является высшимъ закономъ, пока властвуютъ племенная ненависть и національное самомнѣніе, пока суевѣріе находится въ высшемъ почетѣ (а все это встрѣчается у всѣхъ европейскихъ народовъ), до тѣхъ поръ не существуетъ, вообще, никакихъ культурныхъ странъ. До такой высоты имъ всѣмъ еще нужно подняться, и Россія, съ ея великими геніями, ея благородными поэтами и мыслителями, можетъ играть выдающуюся, порой даже первенствующую роль въ этомъ всеобщемъ прогрессѣ человѣчества. Если вы имѣли въ виду конституціонныя государства, тогда пожеланія мои, конечно, на сторонѣ вашихъ либеральныхъ политическихъ дѣятелей; пусть Россія пройдетъ эту необходимую степень политическаго развитія, — хотя конституціямъ нашимъ, въ сущности, тоже еще далеко до идеала. Напротивъ того, симпатіи всѣхъ реакціонныхъ партій будутъ на

Октябрьскіе дни подъ Москвой. — Рабочіе во время желѣзнодорожной забастовки задерживаютъ поѣздъ, слѣдующій подъ военною охраной.
Рисунокъ Поля Тиріа, автотипія „Иллюстрированныхъ Биржевыхъ Вѣдомостей".

сторонѣ вашихъ реакціонеровъ; имъ въ высшей степени по душѣ автократическій режимъ, и если уже пришлось отказаться отъ него въ своей собственной отчизнѣ, то все же имъ любо, что существуетъ онъ хоть на Руси.

Они же придумали лицемѣрный извѣтъ, что русскіе еще не дозрѣли до свободныхъ учрежденій; свобода, уже сама по себѣ, состояніе зрѣлости, а извѣтъ—такая же безсмыслица, какъ если бы кто сказалъ о зеленомъ плодѣ, что онъ еще не зрѣлъ для созрѣванія, и, въ силу этого, постоянно лишалъ бы его лучей солнца и живительной влаги дождя. Какъ будто въ остальной Европѣ народы уже совсѣмъ дозрѣли и пользовались полной свободой! Долго еще придется солнцу либеральныхъ учрежденій освѣщать ихъ, пока установится полное развитіе плода.

Каждый изъ насъ, кому желательно развитіе культуры, долженъ радоваться успѣхамъ, достигнутымъ ими, по крайней мѣрѣ тѣмъ, которыхъ домогается Россія въ этомъ направленіи. Цивилизованное человѣчество составляетъ одно цѣлое; каждая благодать, какъ и каждое горе отдѣльныхъ лицъ, касается всѣхъ. Конечно, не каждый это знаетъ; если бы всѣ это знали, то альтруизмъ сталъ бы господствующимъ принципомъ, уже чисто изъ личнаго расчета.

То, что даютъ великіе люди какого-нибудь народа, идетъ на пользу всему современному и послѣдующему міру. Уже много такой пользы принесли намъ блестящіе сыны Россіи,—дай Богъ сокровищамъ этимъ множиться и рости. Это—наше общее пожеланіе дѣлу нашихъ русскихъ братьевъ, добивающихся той суммы счастья, свободы и человѣческаго достоинства, которая мыслима для насъ на землѣ.

Berta von Suttner.
(Берта фонъ-Сутнеръ).

БЕРЛИНЪ, въ сентябрѣ.

Русскій народъ такъ же способенъ получить образованіе, какъ и каждый другой, притомъ условіи, чтобы для всѣхъ слоевъ населенія имѣлись подходящія школы, для развитія народной души. Великіе геніи, созданные Россіей несмотря на позорное рабство, въ которомъ она состояла, свидѣтельствуютъ о могучей силѣ народной души.

Пожеланія всѣхъ истинныхъ друзей человѣчества соотвѣтствуютъ стремленіямъ тѣхъ, кто задался цѣлью освободить свое отечество отъ препятствій, мѣшающихъ успѣхамъ культуры. Прочь нетерпимость въ дѣлахъ церкви, прочь фанатизмъ, преслѣдующій иновѣрцевъ, прочь тайную полицію и взяточничество! Справедливость, правда и братолюбіе—вотъ гдѣ искупители рода человѣческаго.

Lina Morgenstern.
(Лина Моргенштернъ).

ЛИНЦЪ, въ сентябрѣ.

Идеалы русскаго крестьянства—освобожденіе отъ податей и увеличеніе земельнаго надѣла—трудно соединить съ идеалами русской интеллигенціи, главнѣйшее требованіе которой—всеобщее народное просвѣщеніе—немыслимо безъ громадныхъ національныхъ пожертвованій. Но и всѣ другія требованія интеллигенціи — свобода исповѣданія, печати, собраній и пр.—едва-ли найдутъ поддержку со стороны свободно избранныхъ представителей крестьянства. Поэтому, можно опасаться, что въ ближайшемъ будущемъ Государственная Дума скорѣе осуществитъ ожиданія реакціонныхъ партій, чѣмъ либеральныхъ,—что, однако, вовсе не исключаетъ возможности факта, что послѣднія въ будущемъ съ лихвой наверстаютъ свое.

Всего нужнѣе Россіи—народная школа, по нѣмецкому или австрійскому образцу. Странно читать въ русскихъ газетахъ, вродѣ „Нов. Времени", что вопросъ о грамотности считается ими „празднымъ". Полагать, что парламентарную свободу, являющуюся изліяніемъ умственной и нравственной независимости, можно воздвигнуть на безграмотности,—крупная ошибка, которая скажется рано или поздно. Это совершенно то же, что строить на пескѣ, а потому такая постройка должна быстро развалиться.

Сомнѣваться въ высокихъ качествахъ русскаго народа можетъ только человѣкъ недоброжелательный. При наличности нормальнаго развитія всеобщаго школьнаго обученія, народу этому можно, безъ малѣйшаго сомнѣнія, предсказать блестящую культурную будущность. Тѣ годы, которые авторъ этихъ строкъ провелъ въ кругу русскихъ крестьянъ и солдатъ, принадлежатъ къ числу лучшихъ, незабвеннѣйшихъ его въ жизни. Русскій простолюдинъ добродушенъ, чистосердеченъ, милъ, какъ ребенокъ, при этомъ замѣчательно понятливъ, а, слѣдовательно, и способенъ къ развитію.

Но до закона совѣсти относительно національнаго сознанія и долга—ему еще очень далеко. Онъ **умѣетъ терпѣть**, но **не умѣетъ оформить**. Чтобы стать сознательнымъ, пригоднымъ членомъ націи, требуется для него вліяніе вѣковой свободы и **столѣтняго воспитанія для свободы**. Поэтому, лучшимъ качествомъ русскаго народа останется и въ будущемъ, насколько его можно предвидѣть,—терпѣніе.

Что весь образованный міръ желаетъ русскому народу эру спокойнаго и благодатнаго развитія послѣ такого тяжкаго испытанія,—безусловно. Пускай всѣ сыны Россіи, безъ различія племенъ, приготавливаются къ великому дѣлу мирнаго культурнаго труда. **Работать, а не отчаиваться**, должно быть ихъ лозунгомъ.

Moritz Reinhold von Stern.
(Маврикій Рейнгольдъ фонъ-Штернъ).

Приписка по русски: Желаю моему любимому русскому народу всякаго блага и счастія.

ЗАЛЬЦБУРГЪ, въ сентябрѣ.

Относительно русскаго народа и его души я безусловно могу заявить, что имѣю объ нихъ **очень** высокое понятіе. Такое мнѣніе я, по большей части, составилъ себѣ посредствомъ изученія русскихъ писателей. Гдѣ ключи бьютъ съ такою мощною силою, тамъ въ нѣдрахъ земли кроется много чудныхъ возможностей.

Я желаю прежде всего, чтобы Россія практически воспользовалась исторіей европейскихъ культурныхъ народовъ и, по возможности, избѣгала бы **содѣянныхъ ими ошибокъ юности**.

Friedrich Fürst Wrede.
(Князь Фридрихъ Вреде).

ФРИДРИХСЗАГЕНЪ (близъ Берлина).

Относительно русскаго народа я того мнѣнія, что въ немъ имѣется запасъ великихъ, еще непочатыхъ силъ. Вѣчное кипѣніе въ колоссальномъ россійскомъ котлѣ лучше всего доказываетъ наличность этихъ силъ; но необходимо открыть имъ предохранительные клапаны вмѣсто того, чтобы давать имъ попусту расходоваться на постоянныя попытки взорвать желѣзныя стѣнки.

Вступленіе Россіи въ ряды европейскихъ культурныхъ народовъ я бы встрѣтилъ съ великою радостью, если бы я могъ въ него вѣровать. Но, по моему убѣжденію, со вступленіемъ этимъ придется еще подождать. Культура выростаетъ изнутри, а нынѣшняя Русь въ нравственномъ смыслѣ представляетъ собою пока лишь новину, которая, по избытку силъ, производитъ кое-гдѣ дикую зелень, но еще требуетъ очень значительной обработки, чтобы принести урожай зерна для созданія обстоятельнаго гражданства, являющагося мѣриломъ народной культуры.

Прошу васъ удовольствоваться этими скудными замѣчаніями, и въ заключеніе примите, какъ привѣтъ, ту мысль, что далеко не каждый, кто носитъ цѣпи, въ дѣйствительности рабъ,—рабъ лишь тотъ, кто не алчетъ свободы.

Georg Buss-Palma.
(Георгій Буссе-Пальма).

ГРОСЪ-ЛИХТЕРФЕЛЬДЕ, въ сентябрѣ.

Признавать за русскимъ народомъ какое либо значеніе возможно будетъ не раньше, какъ послѣ того, когда онъ докажетъ, что способенъ самостоятельно развиваться, освободиться и чѣмъ-нибудь стать,—когда онъ перестанетъ ныть и стонать, будетъ меньше болтать, мечтать и стращать, а больше дѣйствовать,—когда онъ болѣе не будетъ, по обычаю, искать причинъ своихъ бѣдствій въ правительствѣ или въ обществѣ, а обратится исключительно къ самому себѣ, отнесется къ себѣ строже, воспрянетъ духомъ, самъ себя научитъ уму-разуму и двинется на дѣло во всеоружіи собственной силы и воли. Только тамъ, гдѣ каждый самъ себя возвелъ въ соучастники отвѣтственности и постановленій, но и долженъ былъ исполнить всяческія обязательства,—только тамъ преуспѣваютъ народы, а люди добиваются пути. Каждый долженъ безраздѣльно посвятить себя дѣлу; тогда онъ достигнетъ благополучія. А когда каждый въ отдѣльности будетъ преуспѣвать, то и все цѣлое будетъ въ цвѣтущемъ состояніи.

Ничто не могло бы быть для меня отраднѣе, чѣмъ вступленіе Россіи въ ряды европейскихъ культурныхъ народовъ. Если Россія не станетъ культурнымъ государствомъ, то Европа утратитъ крупную долю своего значенія; тогда новая раса, новая помѣсь въ Сѣверной Америкѣ встанетъ во главѣ культурнаго движенія,—а это было бы крайне прискорбно для Европы.

Еще и то: типичной чертой русскаго крестьянина, а слѣдовательно и вообще русской души, является, на мой взглядъ, стремленіе раздаваться въ ширь, но не идти въ глубь. На видъ, я въ этомъ неправъ, такъ какъ выдающимся качествомъ русскихъ писателей считаютъ именно глубину. Но я убѣдился на опытѣ, что каждый творитъ себѣ именно того кумира, который обладаетъ подходящими качествами; каждый создаетъ свой идеалъ, свое нравственное дополненіе. Такимъ путемъ, многіе писатели изображаютъ людей вполнѣ безупречныхъ, будучи сами очень далеки отъ подобнаго совершенства.

Я того мнѣнія, что вѣчныя завоеванія и постоянное расширеніе Россіи были бы немыслимы безъ поддержки со стороны народной души. Тутъ-то мы и видимъ стремленіе раздаваться въ ширь; а вслѣдствіе этого русскій народъ уже не могъ углубиться въ самого себя и выработаться въ болѣе совершенную расу, способную къ дальнѣйшему развитію. И поэтому русскій народъ страдаетъ отъ избытка покореній и порабощеній. Въ результатѣ же, самому народу пришлось стать рабомъ, такъ какъ завоеванія идутъ на пользу одного только высшаго класса. Если бы классъ этотъ сталъ уступать простонародію долю участія въ данныхъ выгодахъ, то, въ концѣ концовъ, и порабощенные оказались бы на одинаковой ступени съ завоевателями... Въ этомъ заключается одинъ изъ существеннѣйшихъ нравственныхъ тормозовъ русскаго народа: онъ страдаетъ отъ избытка порабощеній.

Лишь тогда, когда онъ ограничится самимъ собою, либо добровольно, либо подъ давленіемъ внѣшнихъ причинъ, народъ придетъ въ себя. Онъ долженъ углубиться въ самого себя, и въ себѣ же почерпнуть все необходимое.

Но способенъ-ли онъ на это?

Современные русскіе писатели заставляютъ героевъ своихъ, познавшихъ народное горе, черезъ-чуръ много разглагольствовать, и въ лучшемъ случаѣ приводятъ ихъ къ собственной гибели.

Нѣмецкіе революціонные писатели изображаютъ подобныхъ героевъ нѣсколько иначе.

Однако, быть можетъ, Россія теперь получитъ иныхъ писателей, иныхъ людей, иныхъ героевъ. Мнѣ кажется, что нѣкоторые изъ нихъ какъ будто пробуждаются...

Желаю всего хорошаго русскому народу, какъ и всѣмъ людямъ вообще.

Hans Ostwald.
(Гансъ Оствальдъ).

БЛАНКЕНЕЗЕ (близъ Гамбурга), въ сентябрѣ.

На опросъ вашъ могу отвѣчать только горькою ироніей; но, тѣмъ не менѣе, надѣюсь, что въ ироніи этой выразится болѣе участья относительно вашего несчастнаго народа, чѣмъ въ дешевыхъ, выспреннихъ фразахъ.

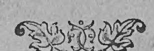
Вотъ мой отвѣтъ:

1) Я считаю Государственную Думу серебряною цѣпью, которую русскому медвѣдю продѣли черезъ носъ, вмѣсто прежней, желѣзной, съ тѣмъ, чтобы польстить его самолюбію, и заставить его покорно продолжать пляску. Дѣло въ томъ, что пляска эта приноситъ вожаку значительно больше пользы, чѣмъ стоитъ новая цѣпь.

2) Русская народная душа? Быть можетъ, медвѣдь, чего добраго, заколдованный сынъ феи, какъ въ сказкѣ о Бѣлоснѣжкѣ и Алой Красоткѣ *). Иногда онъ рычитъ въ такихъ божественныхъ тонахъ, что такое предположеніе возможно. Но если желательно, чтобы онъ избавился отъ злыхъ чаръ, то M-lle Бѣлоснѣжкѣ (быть можетъ—дщери правды) придется куда крѣпче почесать ему за ушами, а Алой Красоткѣ (быть можетъ—питомицѣ свободы)—куда сильнѣе пощелкать его по носу, чѣмъ онѣ обѣ рисковали это продѣлывать раньше.

3) Какъ только принцъ обличится, т. е. сброситъ медвѣжью шкуру, а съ нею вмѣстѣ и цѣпь, на которой его водятъ на пляску,—то „европейская культура“ (съ особой этой я, кстати сказать, незнакомъ; она, вѣроятно, еще въ пеленкахъ) немедленно приметъ его съ открытыми объятіями. Но до тѣхъ поръ, да убережетъ благій Господь болѣе цивилизованныхъ плясуній Европы отъ „вступленія“ русскаго медвѣдя.

R. Demel.
(Р. Демель).

Письма Антокольскаго.

Мрачными красками описываетъ Антокольскій свое дѣтство и свою нерадостную юность. Тяжелая атмосфера окружала талантливаго ребенка. Корчмарь-отецъ,—прозаическій и грубый человѣкъ, темная невѣжественная родня; побои, брань... Одна мать, кроткая, мягкая, нѣжная, любящая, была грѣющимъ, свѣтлымъ лучемъ для маленькаго, забитаго Марка. Нужно было обладать громаднымъ талантомъ и нечеловѣческимъ запасомъ силы воли, чтобъ выбиться изъ этой атмосферы и завоевать свою жизнь художника.

*) „Schneeweisschen und Rosenroth“—одна изъ сказокъ братьевъ Гриммъ.

Съ горечью вспоминаетъ Антокольскій годы академическаго ученія. Вѣрнѣе,—никакого ученія не было. Начальство, профессора относились къ обязанностямъ болѣе, чѣмъ халатно, и академисты со своей жаждой работать оставлялись на произволъ судьбы.

Большую нравственную поддержку Антокольскій нашелъ въ Стасовѣ, Крамскомъ и юномъ товарищѣ Рѣпинѣ. Если бы не эти симпатично отнесшіеся къ нему люди, болѣзненный и хрупкій Антокольскій зачахъ бы отъ холоднаго одиночества. Яркимъ примѣромъ всего ужаса педагогической системы академіи художествъ можетъ служить то, что Антокольскій мѣсяцами, какъ чрезмѣрной милости, добивался, чтобы начальство взглянуло на законченную имъ статую Ивана Грознаго. А это, пожалуй, самое лучшее изъ всего, созданнаго Антокольскимъ.

Тріумфъ Грознаго искупилъ долгіе годы тяжелыхъ испытаній. Въ невзрачную мастерскую,—единственный и исключительный примѣръ,—поднимался Александръ II. Антокольскій вдругъ получилъ званіе академика, и статуя была ему заказана Государемъ въ бронзѣ. Немногіе, весьма немногіе изъ молодыхъ художниковъ начинали такъ блестяще свою карьеру.

Пишетъ-ли Антокольскій Мамонтову, Крамскому, Стасову—онъ повсюду съ отеческой любовью говоритъ и вспоминаетъ о „маленькомъ Эльяшкѣ“. Это—нынѣ здравствующій извѣстный скульпторъ Илья Гинцбургъ, многимъ обязанный Антокольскому,—его единственный ученикъ.

Издалека, изъ Италіи и Парижа, внимательно слѣдитъ Антокольскій за первыми артистическими шагами крохотнаго „Эльяшки“, снабжаетъ его цѣнными совѣтами и руководитъ еще не окрѣпшимъ дарованіемъ.

Никто не упрекнетъ Гинцбурга въ неблагодарности, что, увы, бываетъ сплошь да рядомъ!

Наоборотъ, Гинцбургъ всегда былъ преисполненъ къ учителю какого-то восторженнаго обожанія. И онъ, никто другой, — въ этомъ есть что-то красивое и трогательное—везъ изъ-за границы въ Россію тѣло своего дорогого учителя.

Въ предисловіи къ письмамъ Антокольскаго Гинцбургъ разсказываетъ, сколько мытарствъ пришлось претерпѣть за время этой траурной поѣздки.

Когда гробъ знаменитаго русскаго художника прибылъ въ Берлинъ, изъ нашего посольства встрѣтилъ его лишь одинъ человѣкъ. И это былъ... сторожъ. Вотъ, еслибъ вмѣсто Антокольскаго везли тѣло какого-нибудь архивнаго дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, все начальство in corpore въ расшитыхъ золотомъ мундирахъ явилось бы встрѣтить высокопревосходительный гробъ.

У насъ—не Франція, гдѣ отечество гордилось Мейсонье и Жеромомъ. Въ глазахъ русскаго чиновника ничтожный и бездарный генералъ гораздо важнѣе и значительнѣе Антокольскаго, Верещагина, Рѣпина и Чехова.

Я никогда не забуду. Погибъ „Петропавловскъ“. Одинъ мой знакомый журналистъ поѣхалъ въ штабъ узнать имена и число потонувшихъ. Офицеръ въ полковничьемъ чинѣ перечислилъ журналисту погибшихъ и въ самомъ концѣ уронилъ небрежно:

— Еще какой-то художникъ Верещагинъ.

И это о мастерѣ большомъ, великомъ, который въ теченіе тридцати лѣтъ поддерживалъ на всѣхъ концахъ земного шара славу своей неблагодарной родины, не позаботившейся до сихъ поръ о его памятникѣ.

* * *

Изъ писемъ Антокольскаго видно, какъ онъ тщательно подготовлялся къ созданію тѣхъ историческихъ величавыхъ фигуръ, которыя покрыли его имя такой громкой славой. Онъ перечитывалъ десятки томовъ, монографій, знакомился съ портретами этихъ людей, изучалъ ихъ мѣсяцами, годами, изучалъ бытовой колоритъ эпохи.

Въ Римѣ онъ работалъ надъ статуей Великаго Петра. И въ каждомъ письмѣ къ В. В. Стасову Антокольскій проситъ выслать ему то шляпу, то перчатки, то камзолъ, трость, ботфорты петровской эпохи.

Когда въ Россіи поднялся вопросъ о пушкинскомъ памятникѣ, Антокольскій вновь съ особеннымъ вниманіемъ отъ доски до доски перечиталъ всѣ десять томовъ геніальнаго поэта.

Онъ дѣлится своими впечатлѣніями съ Саввой Ивановичемъ Мамонтовымъ. Порою удивляешься мѣткимъ и вѣрнымъ сужденіямъ—любому литературному критику впору! Какъ онъ понялъ и оцѣнилъ Пушкина! Въ этомъ евреѣ, который много претерпѣлъ за то, что былъ еврей, было страшно много русскаго. Иначе и не могло быть. Онъ не могъ бы создать ни Грознаго, ни Петра, ни Ермака, ни Ярослава Мудраго.

„...Представьте себѣ,—пишетъ Стасову Антокольскій,—бассейнъ или что-нибудь вродѣ этого, старый, обросшій травой. Съ одной стороны онъ имѣетъ возвышеніе (болѣе полутора аршина), на которое можно взобраться посредствомъ нѣсколькихъ ступеней; на самой срединѣ этой возвышенности остановился Пушкинъ, одиноко и задумчиво смотрящій въ глубину воды. Оттуда предъ нимъ поднимается „русалка“ съ своимъ дитятей на рукахъ и съ мольбой смотритъ на него; и тутъ же, у подошвы этой возвышенности, сидитъ „мельникъ“, весь дрожащій и устремляющій глаза на дочь свою... — вотъ одна сцена. Я остановился именно на „Русалкѣ“, потому что, несмотря на эскизность и неоконченность этого произведенія, все-таки оно является здѣсь вполнѣ русскимъ; болѣе, чѣмъ въ какомъ другомъ. Тутъ чувствуется, что говоритъ чисто русскій человѣкъ; притомъ же въ этомъ произведеніи создана народная драма“.

Не правда-ли, какъ поэтично и красиво задумана композиція, и какой могъ бы выйти интересный, не банальный памятникъ? Не монументъ холодный, казенный, а какая-то бронзовая сказка...

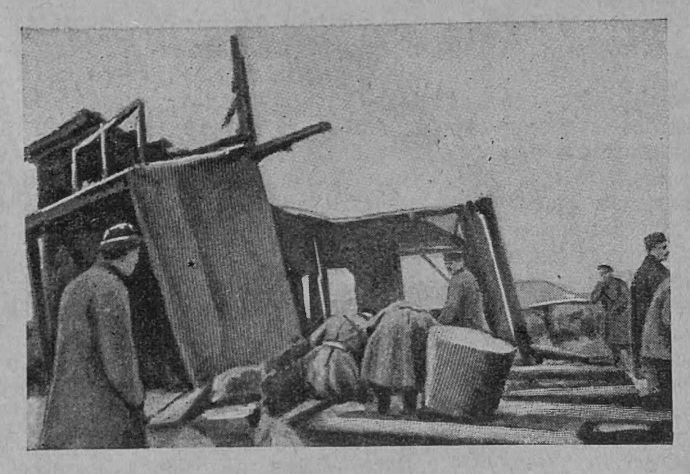
Но мечтѣ Антокольскаго не суждено было осуществиться. Вмѣсто Пушкина, который грезился ему, на Тверскомъ бульварѣ стоитъ другой Пушкинъ, Опекушинскій. Большая по масштабу, но незначительная фигурка на металлическомъ чайномъ цыбикѣ.

Бѣдный Пушкинъ!

Создавая Спинозу, Антокольскій не ограничился одними сочиненіями этого философа. Онъ нѣсколько разъ ѣздилъ въ Амстердамъ, чтобы надышаться той атмосферой, въ которой Спиноза жилъ и училъ.

* * *

При Антокольскомъ въ Парижѣ расцвѣталъ явившійся новинкой импрессіонизмъ. Любопытно его отношеніе къ этому явленію въ искусствѣ. Импрессіонизмъ въ живописи, въ рисункѣ—симпатиченъ Антокольскому, и онъ привѣтствуетъ его, какъ что-то бодрое, смѣлое, оригинальное, открывающее новые горизонты. Но онъ рѣшительно противъ импрессіонизма въ скульптурѣ, говоря, что скульптура, которая, по своему существу, болѣе неподвижна и мертва, чѣмъ живопись, исключаетъ небрежную эскизность и должна стре-

Озерный базаръ въ Екатеринославѣ.—Погромъ и поджогъ.

Послѣ погрома на Озерномъ базарѣ въ Екатеринославѣ.

Погромъ въ Екатеринославѣ (21, 22 и 23-е октября).

Съ фотографій В. Берса, автотипія „Иллюстрированныхъ Биржевыхъ Вѣдомостей“.

миться къ законченности. Трубецкого, выставлявшаго въ Салонѣ, Антокольскій называетъ талантливымъ диллетантомъ.

Здѣсь я опять долженъ вернуться къ геніальному ваятелю, который никогда ничего не читаетъ и никогда никакихъ музеевъ не посѣщаетъ, по его собственному признанію, подхваченному услужливыми газетчиками.

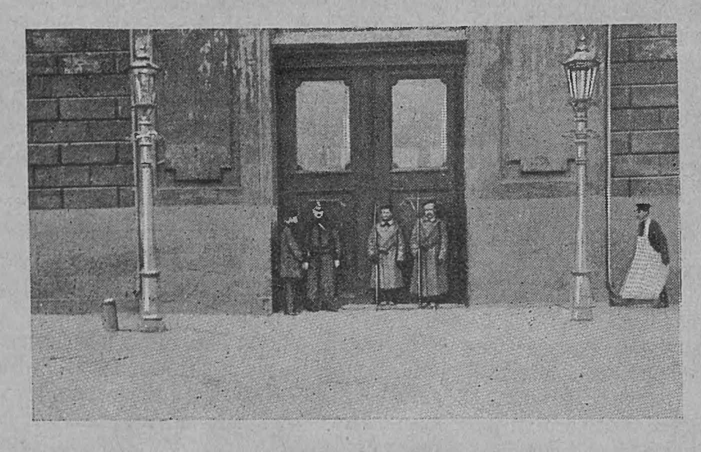
Антокольскій удивляется, что памятникъ Александру III былъ заказанъ Трубецкому безъ всякаго обязательнаго въ подобныхъ случаяхъ конкурса. Онъ бы не удивлялся, если бъ зналъ, что Трубецкому — такъ говорятъ, по крайней мѣрѣ,—протежировалъ покойный Плеве.

Искусство и полиція. Что, казалось бы, общаго?

Допустимъ, что конкурсъ въ такихъ случаяхъ—рутина, обветшалый пріемъ. Допустимъ, что Трубецкой—геній. Конечно, тогда ему незачѣмъ конкуррировать съ Чижовымъ, Антокольскимъ, Беренштаммомъ. Онъ всѣхъ ихъ загонитъ въ щель.

И вотъ, лѣтъ пять назадъ, въ одинъ прекрасный день, Знаменская площадь была обезображена высокимъ, глухимъ, свернувшимся въ гигантское кольцо, заборомъ. Прошли эти пять лѣтъ. Заборъ продолжаетъ обезображивать площадь, а о памятникѣ что-то не слышно.

Говорили, Трубецкой лѣпитъ и ломаетъ, лѣпитъ и ломаетъ, мучимый неудовлетворенностью. Такая требовательность къ себѣ и своему таланту дѣлаетъ только честь художнику. Но причемъ же здѣсь тѣ сотни тысячъ русскихъ рублей, что ушли за пять лѣтъ на эти безконечныя упражненія. Причемъ здѣсь шесть тысячъ, получаемыхъ ежегодно архи-

У входа въ Академію художествъ.

Казачій разъѣздъ на Караванной улицѣ.

Пѣхотные патрули на Васильевскомъ островѣ.

29-е октября на Казанской улицѣ.—Лавки заколочены изъ опасенія погрома.

Октябрьскіе дни въ С.-Петербургѣ.

Съ фотографій К. К-ра, автотипія „Иллюстрированныхъ Биржевыхъ Вѣдомостей“.

На Крестовой улицѣ въ Екатеринославѣ.

Погромъ въ Екатеринославѣ (21, 22 и 23-е октября).

Съ фотографіи В. Берса, автотипія „Иллюстрированныхъ Биржевыхъ Вѣдомостей".

Приватъ-доцентъ М. Ю. Гольдштейнъ, ссланный въ Архангельскъ. Убитъ 18-го октября черною сотней.

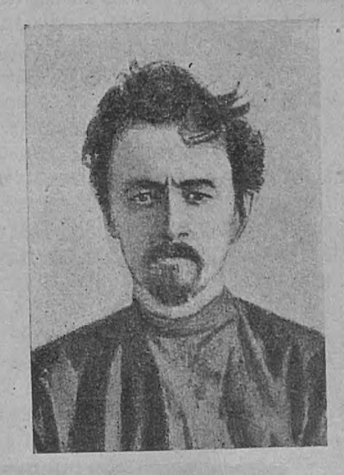
текторомъ Полещукомъ. Право, все это похоже на какое-то издѣвательство.

Говорятъ, наконецъ, памятникъ въ глинѣ законченъ. Приступаютъ или даже приступили къ отливкѣ. Отливка—вещь капризная.

Г. Гершуни, заключенный въ Шлиссельбургскую крѣпость.

Можетъ случиться песчастье. Но если это не случится, мы, пожалуй, лѣтъ черезъ десять увидимъ дорогой — въ прямомъ и переносномъ значеніи слова—памятникъ.

Е. Сазоновъ, заключенный въ Шлиссельбургскую крѣпость.

Кумовство и связи—всесильны еще у насъ. Нѣтъ закона, котораго нельзя было бы обойти при помощи высокопоставленныхъ и сановныхъ радѣтелей. Благодаря связямъ, господа Безобразовы ѣдутъ на Дальній Востокъ „дѣлать политику", а Трубецкой получаетъ заказъ на памятникъ внѣ конкурса.

* * *

Одна изъ симпатичнѣйшихъ чертъ Антокольскаго—это отсутствіе низкопоклонства, заискиваній. Напечатаны въ книгѣ всѣ его письма къ Саввѣ Ивановичу Мамонтову, архимилліонеру, московскому Лоренцо Медичи. Мамонтовъ былъ человѣкъ, весьма и весьма нужный скульптору. Не одинъ десятокъ тысячъ заработалъ отъ него Антокольскій. Но ни въ одномъ письмѣ онъ не измѣняетъ свое-

Октябрьскіе дни въ Москвѣ.—Манифестація рабочихъ.

Съ рисунка Ф. де-Гензна, автотипія „Иллюстрированныхъ Биржевыхъ Вѣдомостей".

го ровнаго, товарищескаго тона, не унижается до хотя бы самой тонкой лести.

Мамонтовъ—самъ скульпторъ. А кто же не знаетъ, что избалованные диллетанты—самый нетерпимый народъ, когда дѣло касается чужихъ сужденій объ ихъ творчествѣ.

Съ каждой своей новой работы Мамонтовъ посылалъ Антокольскому въ Римъ фотографіи. И Антокольскій съ неумолимостью строгаго судьи критиковалъ скульптуру московскаго мецената, отмѣчая попутно достоинства и недостатки и подробно останавливаясь на томъ, что неудачно и скверно.

Онъ совершенно резонно замѣчаетъ:

— Похвалитъ васъ съ готовностью всякій, а вотъ указать недостатки — это требуетъ гражданскаго мужества.

Н. Брешко-Брешковскій.

Въ англійскомъ рабочемъ домѣ.

Изъ записокъ невольнаго очевидца.

Какъ попасть въ англійскій рабочій домъ. – Обокраденъ. —Пѣшкомъ въ Дувръ.—Ночевка подъ открытымъ небомъ.—Дувръ.—Схваченъ полиціей.—Въ рабочемъ домѣ.—Милые порядки.—Шесть часовъ бью щебень.

Если кто, въ качествѣ иностранца, пожелаетъ познакомиться съ рабочими домами въ Англіи, ему это не будетъ стоитъ почти никакихъ усилій. Стоитъ только быть достаточно обокраденымъ, чтобы временно оказаться безъ всякихъ средствъ,—а все остальное приложится само собой.

Допустимъ, что вы наняли комнатку гдѣнибудь на заселенной иностранцами лондонской улицѣ и храните тамъ всѣ свои пожитки. Отсюда необходимо вытекаетъ появленіе англійскаго „стрѣлка", счастливаго обладателя хорошаго карманнаго ножичка; стрѣлокъ, съ помощью этого невиннаго, но полезнаго инструмента, проникаетъ въ комнату, а вы, возвратившись, находите лишь пустыя стѣны. Англійскіе воры, надо сказать, имѣютъ преподлую привычку красть рѣшительно все, что не привинчено или не приколочено. Да и ножикъ свой они употребляютъ только въ качествѣ отмычки: конструкція англійскаго окна такова, что не требуетъ другого приспособленія для его „открытія". Притомъ „стрѣлку", если онъ по легкомыслію влопается, выгодно обнаружить передъ судомъ, что при „работѣ" онъ никакихъ инструментовъ, кромѣ ножа, не употреблялъ,

И такъ, когда вы, посѣтивъ свой аппартаментъ, убѣждаетесь, что васъ очистили и что все ваше имущество отнынѣ свободно размѣстится въ карманѣ,—вы прежде всего бѣжите за полиціей. Васъ принимаютъ болѣе или менѣе вѣжливо, но, въ заключеніе, вы удаляетесь съ мало утѣшительнымъ сознаніемъ, что англійская „святая германдада" не пойдетъ ради васъ ставить вверхъ дномъ весь Лондонъ.

Если вы занимаете извѣстное положеніе или имѣете въ городѣ-гигантѣ какія-либо связи, вашъ „случай" представляетъ собой лишь маленькую непріятность. Но если у васъ нѣтъ никакого положенія и вы до сихъ поръ жили только „настроеніями",—ваше положеніе становится критическимъ. Въ такомъ именно положеніи очутился я, когда однажды утромъ, послѣ весьма пріятно проведенной ночи, стоялъ въ своей опустошенной комнатѣ передъ могилой своего имущества. На мое несчастье, недѣля, за которую я уплатилъ, уже прошла, а потому моя англичанка-хозяйка немедленно показала мнѣ, гдѣ Богъ и гдѣ порогъ. Близкихъ хоть сколько нибудь знакомствъ у меня въ Лондонѣ не было, а отъ консула, какъ я уже зналъ изъ подобнаго же случая, нечего было дожидаться помощи. Я въ тотъ же мигъ написалъ домой, съ просьбой перевести—самое лучшее по телеграфу—побольше денегъ. А такъ какъ я зналъ, что въ Лондонѣ безъ денегъ гораздо легче умереть, чѣмъ жить, то, чтобы убить часы невыносимаго ожиданія, рѣшилъ пѣшечкомъ пропутешествовать въ Дувръ. Въ консульство этого портоваго города я просилъ своихъ направить и денежный переводъ. Три или четыре дня, остававшіеся, по моимъ расчетамъ, до полученія необходимой мнѣ суммы, я рѣшилъ перебиваться на тѣ гроши, которые случайно застряли въ моемъ кошелькѣ. А отшагать 71 англійскую милю до Дувра мнѣ, страстному любителю пѣшаго спорта, не составляло никакого труда.

Я выступилъ въ походъ въ воскресенье, около 9 часовъ утра, кинувъ послѣдній взглядъ на Тоуэрскія башни. Къ счастію, погода, стояла великолѣпная, и солнце сіяло такъ, какъ въ Англіи никогда не должно бы сіять. Къ полудню я добрался до всемірно извѣстнаго своей обсерваторіей Гринвича, а оттуда, послѣ небольшаго отдыха, и до Вульвича. Здѣсь я уже сдѣлалъ серьезный привалъ и разрѣшилъ себѣ слабое подобіе обѣда. Моей конечной цѣлью въ этотъ день являлись города-близнецы, Рочестеръ и Чатамъ; отъ Вульвича до нихъ было 20 миль. Я шелъ вольготно, не торопясь, и прошелъ это разстояніе въ 5 часовъ. Прибывъ въ Чатамъ, я принялъ рѣшеніе сегодня же вечеромъ добраться до Саутборна, до котораго осталось всего 7 миль.

Небо было усѣяно звѣздами, воздухъ дышалъ пріятной прохладой. Не знаю самъ, какъ и почему, но мнѣ, на половинѣ дороги, вдругъ захотѣлось заночевать подъ открытымъ небомъ. Кругомъ, на поляхъ, темнѣли чудовищные стога сѣна и соломы, и я надѣялся, что въ нихъ мнѣ нетрудно будетъ устроить себѣ теплое гнѣздо. Не безъ труда однако удалось мнѣ достаточно зарыться въ стогъ, и скоро я уже спалъ въ ноябрьскую ночь подъ открытымъ небомъ такъ крѣпко и сладко, будто на пуховой перинѣ. Среди ночи я проснулся, дрожа отъ холода. Должно быть, во снѣ я разворотилъ сѣно и лежалъ теперь, ничѣмъ не прикрытый. Отчаянно щелкая зубами, я напрасно мечталъ о тепломъ адѣ и гостепріимныхъ чертяхъ. О снѣ нечего было и думать. Я рѣшился отправиться въ путь. Мало было въ этомъ пріятнаго, но зато я совершенно неожиданно оказался одинокимъ созерцателемъ великолѣпнѣйшаго небеснаго явленія. Была какъ разъ та ночь, когда метеорный потокъ близко отъ земли пересѣкаетъ ея орбиту, и, въ результатѣ, получается такъ называемый звѣздный дождь. Тысячи сверкающихъ тѣлецъ бороздили по всѣмъ направленіямъ темное небо.

Раннимъ утромъ вступивъ въ Саутборнъ, я подкрѣпился чашкой чая, а затѣмъ „прослѣдовалъ" въ Кентербэри.

Сюда я пришелъ послѣ полудня. Не желая вторично испытывать сомнительное удовольствіе ночевки подъ открытымъ небомъ, я рѣшился ночевать въ городѣ. Для оплаты ночлега у меня оставалось нѣсколько пенсовъ, а отъ Дувра меня отдѣляли всего только 15 миль. Не стану утверждать, что моя спальня была первокласснаго достоинства, но спалъ я великолѣпно, и почти до полудня.

Начиная отъ Кентербэри, страна принимаетъ холмистый характеръ, такъ что отъ безпрерывныхъ восхожденій и нисхожденій у меня къ концу пути подкашивались ноги. Уже смеркалось, когда я прибылъ въ Дувръ. Черезъ лабиринтъ грязныхъ улицъ я поспѣшно устремился въ консульство. Къ несчастью, оно уже было закрыто, и я очутился передъ самымъ наступленіемъ ночи, почти безъ гроша въ карманѣ, въ совершенно чужомъ городѣ.

Долгое время проблуждавъ безцѣльно по улицамъ, я былъ остановленъ полисмэномъ, который участливо освѣдомился о моемъ здоровьѣ и предложилъ слѣдовать за собой. Въ участкѣ я снова подвергся допросу въ весьма, впрочемъ, вѣжливой формѣ, результатомъ котораго было врученіе мнѣ карточки, открывающей для меня, какъ я понялъ, двери „рабочаго союза". Я горячо поблагодарилъ, убѣжденный, что мнѣ предлагаютъ пріютъ и ночлегъ въ какомъ-нибудь подобіи ремесленнаго клуба.

Всѣ расходы я возвратилъ бы съ величайшимъ удовольствіемъ, какъ только придутъ мои деньги. Съ данной мнѣ карточкой и подъ охраной двухъ полисмэновъ, я былъ доставленъ въ предмѣстье Бокландъ, почти за три километра отъ города. Мы остановились передъ большимъ, казарменнаго вида, зданіемъ. У меня сердце такъ упало, когда, взглянувъ на двери, я прочелъ надъ ними роковую надпись: „Рабочій домъ"... Такъ вотъ до чего дошло дѣло!

Но раздумывать оказалось некогда. Меня провели къ весьма рѣзкому господину въ полуполицейской формѣ, который принялъ меня необычайно грубо, швырнулъ мнѣ на руки два старыхъ одѣяла и сунулъ большой кусокъ бѣлаго хлѣба. Затѣмъ меня энергическимъ толчкомъ впихнули въ темное помѣщеніе, откуда мнѣ ударилъ въ носъ ужасный воздухъ. Я былъ одинъ,—т. е. нѣтъ, я тотчас же споткнулся на какой-то тюкъ, проворчавшій въ отвѣтъ сочное проклятіе.

Спичекъ у меня, къ несчастью, не было, и мнѣ пришлось чуть не на четвереньках изслѣдовать, не найдется-ли для меня свободнаго клочка земли. Но помѣщеніе было переполнено. Наконецъ, я разыскалъ, завалился въ какую-то щель и кое-какъ дотянулъ до конца ночи. Не разъ, вспоминая свой ночлегъ подъ открытымъ небомъ, я отъ души желалъ очутиться близъ Саутборна.

На утро я въ ужасѣ оглядѣлся кругомъ. Сѣрая бѣднота во всѣхъ своихъ проявленіяхъ царила здѣсь. Кто подольше живалъ въ Лондонѣ, тотъ привыкъ къ этому зрѣлищу. Но скопленіе человѣческой нищеты въ этомъ тѣсномъ пространствѣ, видъ этихъ изголодавшихся, измученныхъ лицъ и потухшихъ глазъ были все-таки невыносимы. Мало состраданія въ англійскомъ обществѣ. Въ качествѣ завтрака, выдавался кусокъ черстваго хлѣба. Чуть тепленькіе помои, которые предлагались подъ громкимъ именемъ чая, были доступны лишь капиталистамъ, способнымъ заплатить 2 копейки. Прочимъ приходилось довольствоваться однимъ черствымъ хлѣбомъ.

Затѣмъ насъ раздѣлили на партіи.

Часть присутствующихъ окончила свое пребываніе въ домѣ. Я не принадлежалъ къ этимъ счастливцамъ. Изъ остальныхъ большая часть была отправлена бить щебень, а меньшая, въ которой очутился и я, предназначалась для уборки помѣщеній. Я выполнилъ свою далеко не изящную и очень утомительную обязанность со всякимъ рвеніемъ и тщательностью, надѣясь взамѣнъ получить свободу. Каково же было мое разочарованіе, когда мнѣ объявили, что предъявитель такой карточки, какая была у меня, обязанъ пробыть въ здѣшнемъ злачномъ мѣстѣ не менѣе трехъ дней... Великолѣпная иллюстрація къ волшебной сказкѣ о полной свободѣ личности въ Англіи! Никакія мои возраженія не привели ни къ чему. Я оказался точно въ тюрьмѣ и съ философскимъ равнодушіемъ примирился со своей участью.

Два дня и три ночи провелъ я въ Дуврскомъ рабочемъ домѣ и не раскаяваюсь въ

этомъ, такъ какъ мое пребываніе въ немъ дало мнѣ возможность увидѣть великолѣпный Альбіонъ въ неприкрашенномъ гуманными декораціями видѣ.

Судите сами. По утрамъ обитатели дома получаютъ по куску малопитательнаго англійскаго хлѣба на обѣдъ и вечеромъ—то же самое. Впрочемъ, обѣденный пиръ сдабривается еще кусочкомъ голландскаго сыра. И при такомъ режимѣ — безъ горячей пищи и напитковъ — людей заставляютъ бить щебень. Во многихъ культурныхъ государствахъ исправительные дома поставлены куда лучше здѣшнихъ рабочихъ, хотя люди, находящіеся въ послѣднихъ, во всякомъ случаѣ не преступники, а только бѣдняки. Да, въ сравненіи съ самой горькой нуждой, меня окружавшей, мое собственное случайное бѣдствіе, которое черезъ нѣсколько часовъ должно было прекратиться, казалось мнѣ до боли ничтожнымъ.

Для битья щебня насъ развели по особымъ камерамъ.

Стѣны моей камеры были съ верху до низу покрыты надписями, принадлежащими перу опять-таки отставныхъ солдатъ. Одинъ изъ нихъ даже разразился слѣдующимъ горькимъ „стихомъ“:

Кончитъ наша Англія войну воевать,
Пошлетъ нашихъ солдатушекъ сюда околѣвать.

Многіе обозначали при этомъ свой полкъ и тѣ мѣстности, куда ихъ гоняли по всему свѣту.

Горькой насмѣшкой звучитъ выцарапанный на стѣнѣ первый стихъ народной пѣсни: „Никогда британцы не будутъ рабами“...

Тяжелая эта работа — шесть часовъ бить щебень въ пронизывающемъ холодѣ камеры. Я видѣлъ, какъ многіе, обезсилѣвъ, почти лишались чувствъ.

На третій день утромъ я былъ свободенъ. Какъ я былъ счастливъ, найдя у консула давно жданныя и желанныя деньги! Теперь я снова принялъ джентльмэнскій обликъ... Но проведенные въ рабочемъ домѣ часы никогда не изгладятся изъ моей памяти. И когда при мнѣ восхваляютъ свободную Англію и ея учрежденія, мнѣ хочется крикнуть на весь міръ, что въ буржуазно-капиталистическомъ государствѣ свободны деньги, а не люди, что законъ охраняетъ только ту вашу независимость, которую даетъ вамъ, вмѣстѣ съ „джентльмэнскимъ“ обликомъ, вашъ кошелекъ. А пропалъ или опустѣлъ кошелекъ,— пропала и независимость, будь вы хоть святой или геній.

Лондонъ, въ октябрѣ. **М. П.**

Бѣгство императрицы Евгеніи.

4 сентября.—Наступили тяжелые дни.—Императрица скрывается.—Бѣгство въ простомъ платьѣ.—Измѣна.—Императрица и французское правительство.

Въ свое время многое было писано о паденіи французской второй имперіи, плѣненіи императора Наполеона III и бѣгствѣ императрицы Евгеніи, и тѣмъ не менѣе появившіеся недавно въ „Century Magazine“ мемуары, умершаго въ 1879 г. придворнаго зубнаго врача англичанина д-ра Томаса Вильтбергера Эванса вызвали большой интересъ въ иностранной печати. Мемуары эти пріобрѣтаютъ тѣмъ большій интересъ, что д-ръ Эвансъ, подвергаясь большимъ опасностямъ, далъ пріютъ императрицѣ Евгеніи и своимъ участіемъ облегчилъ ей бѣгство въ Англію.

4 сентября послѣ обѣда императрицу Евгенію видѣли въ Тюильрійскомъ дворцѣ въ обществѣ австрійскаго посла князя Меттерниха и итальянскаго посла синьора Нигра и сестры генерала Бурбаки, г-жи Лебретонъ. Въ тотъ же вечеръ императрица исчезла изъ дворца. Вмѣстѣ съ г-жей Лебретонъ на простомъ извозчикѣ она поѣхала къ д-ру Эвансу, жившему на бульварѣ Османа. Д-ръ Эвансъ расказываетъ, что, когда онъ вернулся къ себѣ домой 4 сентября вечеромъ, слуга доложилъ ему, что его ожидаютъ двѣ дамы, отказавшіяся назвать свое имя. „Когда я вошелъ въ гостинную, разсказываетъ докторъ, я остолбнѣлъ отъ ужаса и изумленія. Въ нѣсколькихъ словахъ императрица передала ему о событіяхъ дня и закончила свой печальный разсказъ словами: „я пришла къ вамъ, такъ какъ къ вамъ я питаю наибольшее довѣріе, и я знаю вашу преданность нашей семьѣ“. Д-ръ Эвансъ поспѣшилъ успокоить несчастную женщину и подтвердилъ свою готовность послужить ей. Императрипа благодарила его самыми нѣжными словами и стала жаловаться на судьбу: „Какъ я несчастна! Пришли тяжелые дни, а я стою въ полномъ одиночествѣ передъ неизвѣстнымъ будущимъ“.

Стали обдумывать планы бѣгства изъ Парижа. Императрица предложила поѣхать въ каретѣ въ Пуасси, оттуда по желѣзной дорогѣ въ Гавръ, а изъ Гавра на пароходѣ въ Англію. Д-ръ Эвансъ отвергъ этотъ планъ и попросилъ себѣ времени на размышленіе. Онъ посовѣтовался со своимъ товарищемъ, д-ромъ Крэнъ, и выработалъ другой планъ бѣгства, на который императрица немедленно согласилась. Было рѣшено поѣхать въ каретѣ д-ра Эванса вмѣстѣ съ нимъ до небольшого приморскаго города Довилля — близъ Трувилля, — а оттуда поплыть на пароходѣ въ Англію. Въ Довиллѣ какъ разъ въ то время жила семья д-ра Эванса, что облегчало въ нѣкоторой степени задачу. Къ счастью, у императрицы на рукахъ оказалось 2 паспорта на имя англійскихъ подданныхъ д-ра К. и г-жи Б. Эти документы досталъ какимъ то образомъ князь Меттернихъ и передалъ ихъ императрицѣ. Рѣшено было, что эти паспорта будутъ служить удостовѣреніемъ личности д-ра Эванса и императрицы: первый принялъ имя д-ра К., а императрица приняла имя г-жи Б., паціентки д-ра К., которую онъ долженъ былъ отвезти для леченія въ Англію; д-ръ Эвансъ превратился въ брата, а г-жа Лебретонъ—въ сестру больной англичанки.

Послѣ того какъ планъ бѣгства оказался детально разработаннымъ, дамы разошлись по своимъ комнатамъ. Д-ръ Эвансъ же вмѣстѣ со своимъ другомъ отправились блуждать по улицамъ, чтобы разузнать, каково настроеніе въ толпѣ. Д-ръ Крэнъ замѣтилъ прежде всего громадные плакаты на стѣнахъ Тюильри: „Собственность націи“. Въ народѣ говорили о провозглашеніи новаго правительства, но „революціей“ въ воздухѣ не пахло, хотя по улицамъ носилось что-то угрожающее. Д-ръ Эвансъ подошелъ и къ заставѣ Porte Maillot, черезъ которую утромъ нужно было выѣхать изъ Парижа, и убѣдился, что охрана въ этомъ мѣстѣ не особенно страшна и за проѣзжающими почти не было никакого надзора: это суляло надежду на благополучный исходъ задуманнаго предпріятія.

Д-ръ Эвансъ не обманулся въ своихъ разслѣдованіяхъ. На слѣдующій день вся кампанія въ 5½ ч. утра позавтракала и двинулась въ путь. Офицеръ у заставы Porte Maillot — не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на проѣзжавшую карету. Опасность была тѣмъ серьезнѣе, что императрица совершенно не измѣнила своей внѣшности: она довольствовалась тѣмъ, что покрыла лицо черной вуалью. Кромѣ дорожнаго несессера, у императрицы не было при себѣ никакихъ вещей. Черное кашемировое платье, которое было на ней, она носила уже въ теченіе недѣли.

Д-ръ Эвансъ разсказываетъ о приключеніяхъ въ дальнѣйшемъ пути во время слѣдованія через Мантъ, Эвре, Лизье, Понъ Л' Эвекъ. Во время путешествія остановки были кратковременны. Заслуживаетъ упоминанія завтракъ въ деревенской харчевнѣ. Императрица предпочла не заходить въ харчевню и съѣла кусокъ хлѣба и колбасы, которую она разрѣзала перочиннымъ ножикомъ д-ра Крэна, сидя въ каретѣ. Ночь была проведена въ какой-то придорожной гостиницѣ. Съ большимъ трудомъ удалось добиться у соннаго хозяина двухъ комнатъ. На слѣдующій день вся компанія прибыла въ Довилль. Ночью, несмотря на страшную бурю, императрица со своими провожатыми выѣхала въ Англію на яхтѣ Джона Монтэгю Бургойна. Когда яхта отплыла, императрица воскликнула: „Слава Богу, я спасена!“

Д-ръ Эвансъ въ своихъ мемуарахъ передаетъ, что императрица негодовала, что на нее многими возлагалась отвѣтственность за злосчастную франко прусскую войну. „Таковы французы, возмущалась она: много хорошихъ качествъ свойственно ихъ національному характеру, но что значатъ послѣднія въ сравненіи съ однимъ порокомъ — недостаткомъ стойкости. Французы — перемѣнчивы. Они любятъ славу, блескъ, сіяніе и не умѣютъ переносить несчастье. Сегодня народъ на васъ молится, завтра — изгоняетъ. Французы ставятъ своихъ героевъ на пьедесталъ изъ соли: послѣ первой бури и дождя герои падаютъ на грязь. Ни въ одной странѣ въ Европѣ промежутокъ между великимъ и смѣшнымъ такъ не ничтоженъ. Во Франціи всегда повторяется одна и та же исторія. Въ послѣднія 100 лѣтъ каждая династія кончала бѣгствомъ.

За нѣсколько дней до 4 сентября я говорила своимъ друзьямъ, что я могу считать себя застрахованною отъ судьбы Карла X и Луи-Филиппа, а теперь — вотъ видите, что произошло!... Я еще не могу сама понять всего. Я — бѣглянка! Мнѣ кажется, что на меня упала глыба снѣга и льда, какъ, напр., въ Альпахъ.“

Негодованіе императрицы не знало границъ, когда д-ръ Эвансъ въ пути сообщилъ ей о провозглашеніи новаго правительства и о томъ, что генералъ Трошю примкнулъ къ революціонерамъ. „И онъ также!“ воскликнула несчастная женщина: „вѣдь онъ лишь пару дней тому назадъ клялся честью солдата и словомъ вѣрнаго католика, что никогда не покинетъ меня и что заговорщики дойдутъ до меня, лишь переступивъ черезъ его трупъ! Нѣтъ, я не вѣрю.“ Когда д-ръ Эвансъ досталъ послѣдній N „Journal Officiel“ и показалъ его, пришлось повѣрить. Возмущеніе ея усилилось, когда она стала вспоминать, какъ генералъ Трошю ей когда то ручался, что, въ случаѣ революціи, онъ съумѣетъ защитить ее и палату депутатовъ.

Со слезами на глазахъ императрица часто говорила: „Почему мнѣ не дано умереть въ Парижѣ?“

Эксъ-императрица Евгенія, достигнувшая преклоннаго возраста, живетъ до сихъ поръ въ Англіи, гостепріимно дающей пріютъ и „королямъ въ изгнаніи“, и революціонерамъ.

На границѣ Персіи.

Недавно вернулась англійская экспедиція, посланная въ Сеистанъ для проведенія точной границы между Персіей и Афганистаномъ. Она состояла изъ 11 британскихъ офицеровъ, многихъ спеціалистовъ землемѣровъ и эскорта изъ 200 пѣшихъ и 50 кавалеристовъ туземцевъ 58 корпуса, верблюдовъ, — всего 1.500 человѣкъ, 100 лошадей и 2.200 верблюдовъ. Базой служила имъ Кветта, откуда при-

Жертвы погрома въ г. Баку.

† Ген. М. И. Драгомировъ.

шлось везти всѣ припасы, кромѣ зерна и сѣна, на разстояніе почти въ 500 анг. м. по безводной пустынѣ. Путь отъ Кветты до Сеистана экспедиція сдѣлала въ 5 недѣль, причемъ три человѣка и нѣсколько животныхъ замерзли. Лагерь разбили въ Куакѣ, гдѣ необычайный холодъ чередуется съ жарой, которая въ маѣ и іюнѣ доходила до 50 град. Цельзія, такъ что одинъ человѣкъ и нѣсколько животныхъ погибли. Южнѣе Хильмеда граница на разстояніи 90 миль проходила по безводной пустынѣ, здѣсь часть экспедиціи, строившая пограничные столбы, провела шесть недѣль. Воду имъ привозили издалека. Послѣднія двадцать миль границы проходили по безводнымъ склонамъ горъ Сіа-Ко. Одинъ изъ индійскихъ землемѣровъ съ семью людьми отошелъ слишкомъ далеко отъ воды въ безводной пустынѣ Даштъ-и-Марго; вслѣдствіе жары они не могли продолжать путь, а вернуться у нихъ не было силъ. Одинъ изъ людей, увидѣвъ, что землемѣръ умеръ, хотѣлъ спасти хотя бы карту—онъ отрѣзалъ ее съ доски, обвязалъ ее вокругъ себя и пошелъ съ четырьмя другими къ сѣверу. Шедшіе съ нимъ четверо всѣ погибли, онъ помнитъ только, что пришелъ въ себя ночью и лежалъ въ лужѣ воды близъ рѣки Крашъ. Здѣсь его нашелъ странствующій афганецъ. Тѣла его товарищей были найдены засохшими, какъ муміи. Въ прошломъ году по неизвѣстной причинѣ шакалы Сеистана страдали бѣшенствомъ. Оно распространилось также среди волковъ и др. звѣрей. 4 члена экспедиціи были укушены бѣшеными животными и погибли. Одинъ бѣшеный волкъ напалъ на лагерь и искусалъ 78 верблюдовъ и лошадь. Вѣтры также доставляли много страданій. „120"-дневный вѣтеръ достигалъ скорости семидесяти миль въ часъ, и воздухъ былъ полонъ соли и пыли.

Въ Сеистанѣ много развалинъ. Нѣкоторыя изъ нихъ громадны. Очевидно, когда то въ этой негостепріимной странѣ были большіе богатые города, но въ нихъ болѣе 500 лѣтъ уже никто не живетъ, а такъ какъ европейцы, вѣроятно, не скоро проникнутъ туда, то свѣдѣнія экспедиціи представляютъ огромный интересъ.

КИТАЙСКІЯ ПОСЛОВИЦЫ.

И князья міра имѣютъ бѣдныхъ родственниковъ.

Драгоцѣнности покупаютъ позже остального; зато продаютъ ихъ первыми.

Рѣзчикъ идоловъ не молится имъ: онъ знаетъ, изъ чего они сдѣланы.

День скорби продолжительнѣе мѣсяца веселья.

Кому нечего дѣлать, тотъ заставляетъ работать другихъ.

Кто покупаетъ ненужное, скоро ощутитъ потребность въ покупкѣ того, что ему не по средствамъ.

Лучшее средство противъ пьянства: наблюдай пьяныхъ, пока ты трезвъ.

К. Л.

Тѣла армянъ и мусульманъ, убитыхъ въ г. Баку.

Помощь пострадавшему на улицѣ въ Баку.

Послѣдніе кровавые дни въ г. Баку.

Съ фотографій корреспондента, автотипія „Иллюстрированныхъ Биржевыхъ Вѣдомостей".

Типографія „БИРЖЕВЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ" (С. М Проппера), Спб., Галерная, соб. д. № 40. Редакторъ-издатель „Иллюстрированныхъ Бирж. Вѣдом." С. М. Проппѣръ.